

Машков
Владимир

Независимая газ. — 1994 — 23 сент. — С. 7.
Они перемешались в голове у новой леди Макбет

Александр Кулиш

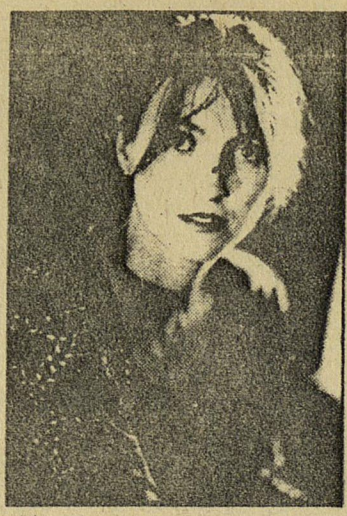
Живые картинки

ФИЛЬМ Валерия Тодоровского «Подмосковные вечера» — свободная импровизация на тему очерка Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», действие которого перенесено на современную писательскую дачу.

У Катеньки (Ингеборга Дапкунайте) в картине Тодоровского была уйма возможностей закончить свой роман с Сергеем (Владимир Машков) без трупов. Цивилизованное общество, интеллигентная обстановка, о деньгах вообще, в отличие от лесковских героев, никто не вспоминает. Катя могла бы просто уйти от мужа к любовнику, и ничего страшного бы не произошло. Однако как притягательный архетип: она выбирает путь леди Макбет. В решающий момент внутри Кати включается задолго до нее продуманный «распорядок действий», которому она охотно подчиняется.

Исходные данные Катиной истории лишь смутно напоминают расстановку сил у Лескова. Подмосковная дача, интеллигентный, но убогий муж (Александр Феклистов), свекровь-писательница (Алиса Фрейндлих), роман которой перепечатывает Катя, и плотник Сергей, подновляющий загородный особняк. Не очень-то похоже на купеческий Мценский уезд... И все же есть ощущение, что все случится, как у классика.

Единственное, что умеет делать Катя — механически, не вникая, воспроизводить чужой текст. Так же механически она воспроизведет и то, что делала ее литературная предшественница. Спокойно, без эмоций. Кате не нужны причины для убийства. Ей требуется повод, и она его создает, заставляя интеллигентных людей забыть о своей интеллигентности. Она провоцирует взаимное презрение. «Что ты можешь понимать своими куриными мозгами машинистки», — вырывается в припадке ярости у писательни-



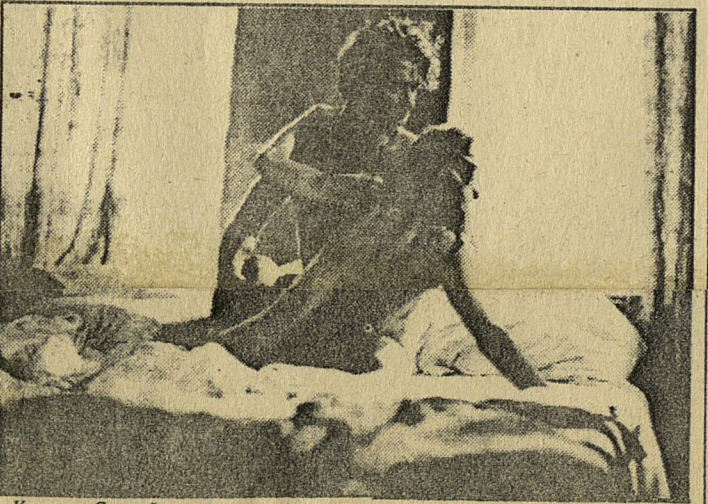
Ингеборга Дапкунайте
«подмосковного уезда».

Изначальные намерения Кати чисты — любить красиво и свободно. Преступницей она становится невольно для себя самой.

Книга Ирины Дмитриевны заканчивалась смертью героя. «Почему нельзя написать роман, который бы начинался хорошо, продолжался замечательно, а кончился бы вообще полной феерией?» — недоумевает Сергей и придумывает с Катей новый финал. Счастливый. В этом дурашливом поступке — попытка переиграть смерть, которая предрешена.

Самообман грубый, но показательный. Персонажи Тодоровского бьются в каркасе схемы, не в силах вырваться за ее пределы. И действительно, почему нельзя?

Лента заканчивается, когда последняя фигура мозаики, которую собирала Ирина Дмитриевна, а потом Катя, встала на свое место. Тодоровский уподобляет построение фильма этой мозаике. Фигурки нельзя заменить или переставить, иначе мозаика не сложится. Картинка известна, но азарт в том, чтобы воссоздать ее заново, еще не ведая как лучше сложить фрагменты. Именно поэтому «Подмосковные вечера» смотрятся как триллер.



Катя и Сергей в каркасе схемы.

цы Ирины Дмитриевны. «Ты изменила мне с плотником!» — кричит обманутый муж. Формально они были убиты не потому, что мешали Кате, а за свои слова.

Героиня Ингеборги Дапкунайте действует подобно сомнамбуле, не отдавая себе отчета в том, что становится заложницей чужой авторской воли.

Бывшая актриса Някрошюса, ставшая за последний год всемирно знаменитой благодаря участию в «Утомленных солнцем» Никиты Михалкова, Дапкунайте идеально подошла для фильма Тодоровского. Она предельно неконкретна, антипсихологична, так, что трудно определить, что именно она играет. Причина и следствие в ее исполнении не выходят наружу. Они скрыты, запутаны, в чем и заключается особая изощренность актерской работы Дапкунайте. Непонятно, что она сделает в следующий момент, однако, когда уже поступок совершен, все оказывается логически подготовленным и оправданным. Это даже не игра, а особый способ киносуществования, который был характерен для таких актрис, как Жанна Моро и Сильвана Мангано.

Не демонстрирует отточенной психологической игры и Владимир Машков. Он берет другим. Сергей Шолохов точно назвал его новым секс-символом. Пожалуй, появился первый за всю постсоветскую эпоху актер, который способен занять это место по заслугам. Сочетание силы, ума и чувственности выделяет его из многих. Он эллантен даже в роли плотника. И его герой явно читал Лескова. Сергей знает, чем заканчиваются любовные истории с удовольствием. Он — единственный человек, способный выйти из замкнутого круга, потому что только он понимает, что произошло, и только он обладает сильной волей. Лишь Сергей не хочет соблюдать правила игры, которую ему навязывают.

И литературный сценарий Станислава Говорухина, и сам фильм напоминают хорошо сложенный механизм. Любуешься чисто кинематографической продуманностью визуального ряда: золотому свету осеннего солнца, опадающим желтым листьям, облупившейся штукатурке на перилах дачи, зигзагообразным орнаментам кафеля на верхней мансарде и замечательным проездом камеры оператора Сергея Козлова.

По всему фильму разбросаны точные и выразительные детали, скрепляющие его невидимыми нитями. Это и складывание мозаики, и ремонт дачи (мужа убивают, когда работы уже завершены), и печатание текста романа (план мести Сергею созревает у Кати во время перепечатки последнего листа), и многие другие детали, превращающие физическое действие чуть ли не в сакральный ритуал. Но — неявно, завуалировано, аккуратно. В фильме Тодоровского важны именно те невидимые нити, которыми сплетена его изящная паутина. Их непросто увидеть, но легко ощутить. Здесь шпилька в волосах Дапкунайте интересна не менее самой актрисы, а печатная машинка — не меньше пальцев, которые по ней стучат. Давно уже не приходилось видеть такого внимания к неодушевленным предметам. Это та двусмысленность, неопределенность художественного построения, которая не позволяет в двух словах рассказать, о чем кино, потому что оно о многом.